

## ТИПОЛОГИЯ В СЕМАНТИКЕ: ИРАНО-СЛАВЯНСКИЕ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

*Александр Илиади*

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методик дошкольного и начального образования Центральноукраинского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко, Кропивницкий, Украина  
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com  
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

### АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме общей семасиологии — исследованию феномена регулярности семантического развития в лексике языков двух групп индоевропейской генетической семьи. Подход к анализу семантики с позиций охвата нескольких лексико-семантических систем предоставляет исследователю более полную картину распространённости языковых явлений и твёрдую почву для обобщений. Особенно интересны наблюдения над лексикой языков, носители которых являются носителями разных культур, в том числе культур и традиций общения. Типологические аналогии в семантике коммуникации этносов с различной культурой указывают либо на типологию языкового мышления, либо на реализацию общих семантических закономерностей, начавших действовать еще в эпоху праязыка, либо на языковые контакты разного времени.

В качестве объекта наблюдений выбрана лексика иранских и славянских языков, чей вокабулярный ещё сравнительно мало разработан на предмет сравнительно-семасиологического описания и выделения типологически общих черт в корреляции базового и производного значений. Предварительные наблюдения дают основание выделить следующие семасиологические параллели: 1) разыгрывание ситуации находки ребёнка на дороге как способ обмануть смерть, преследующую новорождённых в семье; 2) наделение символической значимостью завязки, узла, понимаемых как договор, обет, клятва, связывающих субъекты правовой ситуации; 3) связь руки с понятием помощи (видимо, также в ритуальном смысле). Прочие семасиологические встречи: отражённое в семантике стремление понять и описать объекты окружающего мира путём сравнения их с

частями человеческого тела; сохраняемые семантикой следы архаичного воззрения на связь членов рода через кровь (семя → род = 'люди одной крови/одного семени'); переход *verba facere* → *verba dicere*; переносное употребление глаголов с исконной семантикой 'шатать, качать' как 'ходить', 'гулять'; реализация семантической потенции обозначать ненужное через каритивный префикс и корень со значением 'дело'; изменение 'мести' → 'похищать' и 'мести' → 'прогонять' и пр.

**Ключевые слова:** семантика, этимология, типология, производное, глагол.

**Предварительные замечания.** Типологические аналогии в семантике относятся к явлениям, о которых обычно много говорят, но рассуждения об этом специфическом объекте лингвистических штудий, в основном, просто сводятся к признанию или непризнанию общих закономерностей эволюции значения, малорезультативному в силу отсутствия апелляции к какой-либо методологической установке. А между тем, подходы к методике выявления и объяснения типологически однородных семантических перебоев в разных языках были намечены ещё во второй половине XIX в. в лингвистических трактатах А. А. Потебни и С. П. Микуцкого, а позднее развиты В. И. Абаевым, Р. А. Будаговым, О. Н. Трубачёвым и отчасти Вяч. Вс. Ивановым, Т. В. Гамкрелидзе, чьи весомые достижения в этой области ныне, к сожалению, практически не востребованы. Причина этого — забвение, вызванное губительной для лингвистики тенденцией к дегуманизации науки о языке, одним из признаков которой является демонстративное невнимание к трудам классиков, вместо которых предлагаются околонучные публикации по «лингвистическому постмодернизму», несколько не расширяющие границы познания, напротив, подводящие к мысли об отказе языковедению в его собственной методологии в пользу интердисциплинарной эклектики, столь популярной сегодня. Фактически всё, чем располагает современная семасиология, это несколько серьёзных исследований, в которых отражён опыт наблюдения над регулярностью смысловых изменений в рамках словаря одного языка (ср., напр., монографию А. А. Зализняк (Зализняк, 2013)), их типичностью в группе родственных языков (фундаментальные работы Р. А. Будагова (Будагов, 1963), В. В. Левицкого (Левицкий, 1997), Е. Г. Микиной (Мікіна, 2012) и О. А. Меркуловой (Меркулова, 2009)), и уже имеются пионерские исследования по описанию семантической типологии в нескольких

группах одной семьи языков (наблюдения А. Ф. Журавлёва (Журавлёв, 2016: 345–418), работа коллектива Института языковедения им. А. А. Потебни (Непокупный, Быховец, Пономаренко, 2005), а также диссертации И. Н. Короткой (Коротка, 2018) и А. А. Фёдоровой (Фёдорова, 2018)). В целом, пока весьма скромный список.

Конечно, для верификации смысловой взаимосвязи, постулируемой как типичная для лексико-семантической системы языка, первостепенную важность имеют данные, накопленные в процессе работы над материалом нескольких групп внутри одной генетической семьи языков. Он предоставляет исследователю более полную картину распространённости языковых явлений и твёрдую почву для обобщений. Особенно интересны наблюдения над лексикой языков, носители которых одновременно являются носителями разных культур, что в равной степени относится также к культуре и традициям общения. Типологические аналогии в семантике коммуникации этносов с различной культурой указывают либо на типологию языкового мышления, либо на реализацию общих семантических закономерностей, начавших действовать еще в эпоху праязыка, либо на языковые контакты разного времени. А вернее всего говорить о том, что имели место все три источника аналогий. Поэтому работа со сложно организованным вокабулярием культурной сферы даёт интересные и во многом неожиданные результаты. Например, такие результаты показали предварительные наблюдения над семантической типологией в лексике иранских и славянских языков, где можно уверенно выделить два типа семантических параллелей, общих для иранского и славянского: один, обусловленный совместным историческим развитием диалектов обоих языков и совместным переживанием общих процессов в семантике (и не только), и второй, продиктованный общими закономерностями языкового развития.

Мы говорим о «предварительных наблюдениях», т. к. эта область исследований пока остаётся мало известной: семантическая организация лексики в обеих группах языков даже не сформулирована как проблема, не говоря уже о сколько-нибудь значимых попытках её решения хотя бы на уровне систематизации данных этимологических словарей и представления их в виде корпуса аналогий/контрастов в семантике общих ЛСГ. Исключение составляет интересная работа А. Ф. Журавлёва «Из наблюдений над славяно-иранскими семанти-

ческими параллелями (slavo-ossetica)», которая, по словам её автора, «может рассматриваться как семантический комментарий слависта к «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» В. И. Абаева» (Журавлёв, 2016: 345–418). Нам также уже приходилось писать на эту тему и выделить ещё несколько случаев проявления типологически общих особенностей в семантике номинации, развитии лексического значения в иранском и славянском (Илиади, 2013), и в свете накопившихся новых фактов заявленная проблема предстаёт сложнее, чем при первом знакомстве с ней. Потому представляется необходимым вернуться к ней с очередной «порцией» примеров, используя те же исследовательские приёмы.

**Ирано-славянские семасиологические встречи** засвидетельствованы примерами, которые в целях удобства описания лучше представлять в виде небольших исследовательских этюдов.

1. Одинаковый путь семантического развития 'лизать' → 'улитка', 'слизень' у некоторых иранских и славянских суффиксальных производных от рефлексов и.-е. \**leigh-* 'лизать', ср., в частности, тадж. *lesak* зоол. 'улитка' (букв. 'лизун'), совр. перс. *lisäk* 'то же' — дериваты от иран. \**laiž-* : \**liž-* 'лизать' (Эдельман, 2013: 64–66) и рус. диал. жиздр., калуж., пск., южн.-урал. *лизун* 'слизень, улитка', 1900 г. (Словарь русских народных говоров, 1965–2019 (17: 44)) < *лизать*, ср. определение лизуна-улитки: «Она ползает, будто лижет» (Словарь русских народных говоров, 1965–2019 (17: 44)). Сюда же укр. диал. *лизун* 'улитка, *Limax L.*; *Helix L.*', *лизюк*, *лізень*, *лізун* 'то же'. Объяснение укр. форм как результата контаминации *лизун* 'слизень, улитка', *слизюк*, *слізень*, *слізун* и *лизати*, *лізти* (Етимологічний словник української мови, 1982–2012 (3: 231)) представляется необязательным. Можно говорить о параллельном словообразовании в двух формально близких гнездах (*слиз* 'слизь' и *лизати*), обусловленном их сближением на основе прозрачной связи реалий — улитки, слизня и оставляемого ею/им слизистого следа.

2. Производность значения 'рождать' в глаголах с исконной семантикой 'искать'/'находить': осет. *aryn* (южн. *waryn*) : *ard* | *erun* : *ird* 'находить' и 'рождать' (*fælə jæm fændag næ ary* «... но не находит к нему дороги» и *qæmpy wælæ x yssyd Sæniat, qærzydta, jæ aryn afon ærcyd* «на соломе лежала Саниат, стонала, пришло ей время рожать»), пам. ор. *vār-* 'находить', 'рождать', в которых выделяется распространенная в

иран. языках основа *var-* с этими же значениями < и.-е. \**uer-* 'находить' (Абаев, 1958–1989 (1: 73–74)). Славянские аналогии представлены, прежде всего, рус. данными, в основном, из говоров, находящихся вне пределов России (Литва, Латвия, Эстония, Азербайджан), за исключением тульских: «Давней не записывались, пока *ребяенок найдется*, тогда его запишут и сами запишутся» (Латвия), «У ей скоро *ребенок должен найтиться*, опять работать не смоёт» (Литва) и др. Далее: укр. диал. черниг. *найтись*, *находиться* 'родиться, рождаться' («У шапачках *находяться* дети, то гаворили — щчасливає», «*найшовся* и дитеначек»), *знайти дитину* 'родить ребенка' («А її уже й не турбую, моєї бідної Катрусі, щоб уже благополучно *знайшла*»), серб. диал. (у сербов-граничар, а также в говорах Боснии), фолькл. (в песнях) «как *нашло се дете*», «*Нашло се джетешице* мушко или женско (већ како буде), дошао сам по зламeнье», болг. *найде се* 'роди се', кашуб. *nalezć sa* 'найтись, оказаться', но «Ро zesac latax nalazło są u niix zescko», ср. еще *nelezk* 'внебрачный ребёнок; подкидыш, найдёныш' (материал приводится по: (Толстая, 1997: 290–291): семантическая модель «нашёлся ребёнок»; тут же см. подробно о магическом обряде обмана судьбы теми семьями, где «не держались дети» (ритуальное разыгрывание ситуации обнаружения (находки) ребёнка случайным прохожим). Его цель — уберечь новорождённого от предписанной ему смерти). Ср. для кашуб. форм серб./хорв. соответствие *налазити* в знач. собственно 'находить'.

Из неиндоевропейских параллелей ср. тюрк. *tap-* 'находить', 'рождать' (Абаев, 1958–1989 (1: 74)).

3. Общность принципа номинации в некоторых названиях полотенца, платка для рук. Речь идет об иранских и славянских двусловных лексемах с последовательностью «именной компонент со значением 'рука' & глагольный компонент со значением 'тереть'». В частности, этот принцип («рука & тереть») реализован в: 1) осет. *kælmærzæn* 'платок', 'шаль' из *kær-mærzæn* 'утиральник для рук', *k'ūx-mærzæn* | *k'ox-mærzæn*, *k'ūxtæ-mærzæn* 'платок-утиральник', где \**kær* 'рука', *k'ūx* | *k'ox*, *k'ūxtæ* 'рука', 'руки', а *mærzæn* < *mærzun* 'утирать' (Абаев, 1958–1989 (1: 577–578); 2: 78); 2) перс. *dastmāl* 'платок (носовой)' из *dast* 'рука' и *māl* ~ *mālidan* 'тереть, растирать' (Абаев, 1958–1989 (1: 577): *kælmærzæn*; 4: 439, 604, 703). Ср. славянские эквиваленты в виде рус. диал. перм., вят., влад. и др. *рукотёр* 'полотенце',

*рукотёрка* 'то же' (Словарь русских народных говоров, 1965–2019 (35: 255)) с постпозитивным *тер-* от *тереть*.

4. Ср.-перс. *tōxt* 'семя, зерно' > *tōxt-ak* 'род, племя' (Расторгуева, 1966: 29) ~ рус. фолькл. *сэмя* 'порода, наследство' (*гадючыё сэмя, ведьмино сэмя* и др.).

5. Ср.-перс. ман. *bann* {*bn*} 'рабство, тюрьма', парф. *band* {*bnd*} 'то же', хс. *banaa-*, *banua-* 'арестованный', согд. будд., ман. *ḅnd* 'тюрьма; оковы, узы', тадж. *banda* 'раб, невольник; слуга' (последнее из \**bandaka-*), а также инновации вроде курд. курм. *bāndī* 'заключенный, арестованный' (Расторгуева, Эдельман, 2000 (2: 73–74, 79)), ягноб. (из тадж.) *bandī* 'заключенный, узник', (из тадж.) *bandixonā* 'темница, тюрьма' (Ягнобско-русский словарь, 1957: 229) и др., относящиеся к гнезду иран. \**band-/bad-* 'связывать'. С другой стороны, подобный мотив номинации использован в рус. *узник* 'невольник, заключённый' ~ *узы* 'оковы, путы' и укр. *в'язень* 'узник, заключённый', *в'язниця* 'тюрьма' ~ *в'язати* 'связывать' (восходят к псл. \*(*v*)*oza* ~ \*(*v*)*ežati*, о которых см.: (Этимологический словарь славянских языков, 1974–2018 (40: 98–100))).

6. Ягноб. *gab dih-*, *gap dih-*, *gap dēh-* 'говорить', 'беседовать', 'разговаривать' (сложный глагол, именная часть которого таджикская, а вспомогательный глагол ягнобский — полукалька с тадж. *gap zadan*), где *gap* 'слово', 'речь', 'разговор', а *dēh-*, *dēh-*, *dih-* 'бить', 'ударять', 'колотить' и 'кидать' (Ягнобско-русский словарь, 1957: 245, 253; Хромов, 1972: 86, 96). По логике грамматического построения и по семантическому контуру близко рус. разговорному выражению *перекинуться парой слов* или *бросаться словами* (= говорить безответственно, болтать).

7. Ср.-перс. *rōb-* /*lwp*/ 'тереть', 'выметать' и *rōb* /*lwp*/ 'грабёж', кл. перс. *rustan* 'мести' и *robūdan* 'похищать', бел. *rōpag* : *rupt* 'мести', йезди *ropyun*, *rofvun*, *-rop-*, *roftvun*, *-ruv-* (к. *roftmun*) 'красть, похищать, воровать, грабить', а также 'мести, подметать' < иран. \**raup-*, \**rup-*, ср. авест. \**rūp-* 'опустошать' (?) Молчанова, 2008: 266), ягноб. *rant-* 'мести, подметать; вытирать', в секретном языке — 'воровать' (Ягнобско-русский словарь, 1957: 312) ~ рус. разг. жарг. *подмести* 'взять чужое', 'украсть'.

8. Ягноб. *pisām-* 'мести (сор, мусор)' и перен. 'прогонять' (Хромов, 1972: 177) ~ рус. разг. импег. *выметайся* 'уходи прочь'.

9. Руш., хуф. *ba-sīr* 'пресыщенный, дошедший до предела (терпения)', где *ba-* — именная приставка, противоположная отрицательному *bī-*, а *sīr* 'сытый' (Соколова, 1959: 138, 141, 249), букв. — «пре-сыт», что примерно соответствует серб./хорв. *прѣсит* 'слишком сытый, пресытившийся', ср. еще рус. (старославянизм) *пресыщен* < *пресытить*.

10. Возникновение вторичной правовой семантики (обязанности, долга, союза, договора) в глаголах со знач. 'вязать, связывать' и их производных: руш., хуф. *vīnd*: руш. *vost*, хуф. *vīst* 'привязывать, связывать', 'запирать (дверь)', а также в руш. выражении *šart vēstōw* 'заключать условие' (Соколова, 1959: 272–273), шугн. *vīšč*, inf. *vīstōw*, (в баджувском диалекте) *vīšč*, *vīšč* 'связывать, завязывать, привязывать; перевязывать' и 'закключать договор' (< *\*band-*: *\*bad-* 'связывать') (Расторгуева, Эдельман, 2000 (2: 69–70)), ср. также осет. *bæddgæjæ*, *bæddgæj* 'взаимы', 'в аренду' < *bæddyn* | *bæddun* 'вязать' (< *\*band-*) (Абаев, 1958–1989 (1: 243)), в котором также представлено смещение 'связь' → 'договор (о заёме, аренде)'. Славянские аналоги: серб./хорв. *обавѣзати* 'обвязать' и перен. 'обязать', рус. *обязать* 'вызвать кого-то на ответную услугу' < *об-вязать*, диал. ряз. *в'язаться* 'обещать что-либо сделать', 1873 г., иркут., тобол. *связка* 'общение, знакомство, дружба' (Словарь русских народных говоров, 1965–2019 (6: 73; 36: 335)), где значение 'дружба' = 'союз', 'договор' (вообще показательно *связка* как *договор*), фразеологизм *связать договором* (*клятвой*, *обетом*), укр. *зобов'язати* 'обязать, вменить в обязанность' ~ *в'язати* 'вязать' и под.

Впрочем, проявление этой тенденции обнаруживается за пределами иранского и славянского, ср. лат. *vincīre* 'обвязывать, обвивать' и 'скреплять клятвой' (*Jovis nomine vincita fides testimoniorum* — правильность свидетельских показаний, скрепленная именем Юпитера (клятвой) (Дворецкий, 1976: 1080)).

11. Развитие (но не исключен также исконный синкретизм) речевой семантики у звукоподражательных глаголов физического действия, ср.: тадж. *laqidan* (диал. *lakidan*) 'болтать(ся)' и *laq-laq* 'болтовня', тадж. *lak-lak* 'болтающийся' и тадж. кар. *laq-laq k.* 'болтать', восходящие к иран. *\*lak-* < и.-е. *\*lek-* 'гнуть(ся)', 'болтать(ся)', 'скакать', 'прыгать' (Эдельман, 2013: 66–67), сюда же руш., хуф. *laq*: *laqt* 'качаться, болтаться' и *lāq*: *lāqt* 'болтать (языком)' (Соколова, 1959: 201)

~ рус. *болтáть* 'говорить' и *болтáться* 'раскачиваться', 'шататься, ходить без дела', а также *болтáть* 'приводить в движение жидкость, мутить' и 'пустословить, суесловить', блр. *бовтáць* 'болтать, взбалтывать какую-либо жидкость', 'колыхать, двигать' и 'говорить вздор' (Этимологический словарь славянских языков, 1974–2018 (3: 119–120)).

12. Точно так же из семантики 'шатать, качать' в иран. и слав. лексемах развивается новое значение 'ходить (без дела)', 'гулять', ср.: ягн. *likak* 'трястись, приходит в движение', кауз. *likunak* 'трясти, приводить в движение' и *laks-*: *láksak* инф. 'ходить; кружиться; бродить; путешествовать', (перен.) 'гулять (о молодом человеке и девушке)' и др. < иран. *\*lak-* (к и.-е. *\*lek-* 'гнуть(ся)', 'болтать(ся)', 'скакать', 'прыгать') (Эдельман, 2013: 66) ~ рус. *шатать* 'раскачивать, качать', *шататься* 'качаться' и 'бродить без дела'.

13. Руш., хуф. *wazm*, *wazn* 'груз, тяжесть' и произв. с формантом *-in* (суфф. прилагательных, указывающий материал или свойство) *wazmīn* 'тяжелый, тяжкий', (эвфемист.) 'беременная' (Соколова, 1959: 187, 277) ~ ст.-сл. брѣмъ 'груз, бремя' и произв. брѣменьнъ, прилаг. 'обремененный', болг. *брѣмнна* 'беременная' и др. (Этимологический словарь славянских языков, 1974–2018 (1: 195–196)), а также рус. *тяжесть* и диал. *тяжѣлая* 'беременная', укр. *вага* 'вес, тяжесть' и произв. *вагітна* 'беременная'.

14. Фарси-кабули *nākār* 'беспольный' — сложение *kār* 'дело' с преф. *nā-* со значением отсутствия качества (Дорофеева, 1960: 29), ср. еще тадж. диал. *vekor* 'ненужный', литер. *bekor* из *bē* (< *abē*) + *kor* 'дело' (Расторгуева, 1964: 48) наряду с рус. диал. петерб., калуж. (нач. XX в.) *бездѣль* 'что-либо, не имеющее ценности, значения', 'пустяк, мелочь, безделица' (Словарь русских народных говоров, 1965–2019 (2: 186)) ~ *дело*.

15. Близкий случай с отрицанием имеем в осет. *magūsa* | *magosa* 'бездельник', 'лодырь' из *ta-kūsa*, где *kūsa* — 3-е лицо конъюнктива от *kūsyn* 'работать', а *ta* — частица запрещения-отрицания (Абаев, 1958–1989 (2: 65)) при слав. *\*ne-orbь/\*ne-orba*, ср.: рус. перм. *нѣробь*, *-и* 'о том, кто не работает' (Словарь русских народных говоров, 1965–2019 (21: 143)) — поздняя грамматическая перестройка *\*нероб* по образцу *ī-*основ, укр. диал. *нероб* 'бездельник, лентяй', *нероба* 'т. с.' ~ *роба* 'трудолюбивая, работающая женщина' (Етимологічний словник української мови, 1982–2012 (5: 98–99)) & *\*orbь/\*orba*.

16. Перенос названий частей тела в сферу топографической номенклатуры, ср.: дари диал. (гер.) *dane* 'вход в ущелье' < *dan/dahan* 'рот' (Иоаннесян, 1999: 49) ~ рус. *устье*, словообразовательно (ещё в праславянскую эпоху) зависимое от *уста́*. Ср. англ. *mouth* 'рот' и 'устье реки', в котором представлено не произведённое морфологическим путем новое слово, а всего лишь новое метафорическое значение.

17. Ещё один подобный пример географического употребления соматического термина иллюстрируется дари диал. (гер.) *gardane* 'перевал' < *gardan* 'шея' (Иоаннесян, 1999: 49) ~ рус. *перешеек* в знач. 'горный перевал' < *шея*. Ср. еще англ. *neck* 'шея' и геогр. 'перешеек', но уже без использования специального словообразующего элемента для оформления нового слова.

18. Дари диал. (гер.) *bâreš* 'дождь' < *bâr* 'литься (о дожде)' (Иоаннесян, 1999: 51) ~ рус. *леть*, *-ливать* > *львень*, укр. *з-льва* 'то же'.

19. Дари диал. (гер.) *daste* 'связка, букет' < *dast* 'рука' (Иоаннесян, 1999: 49) ~ серб., хорв. *rukovět* 'пучок, снопок колосьев' < *ръка* 'рука'.

20. Дари диал. (гер.) *amdesti* 'помощь' < *dest* (< *dast*) 'рука' + суфф. — *i* (Иоаннесян, 1999: 53) ~ укр. диал. *виру́ка* 'помощь' (Етимологічний словник української мови, 1982–2012 (5: 136)), *вируча́ти*, рус. *выруча́ть*, *выручка*, в основе которых сущ. *рука́*.

21. Отметим общий характер образного обозначения последнего ребенка в семье как последыша, которого «наскребли» из остатков муки, ср.: перс. фразеологизм *tah-taqāri* — последний ребенок у родителей, последыш (*на которого «наскребли муки» со дна глиняной лохани*) (Голева, 2006: 97) и рус. перм., костром., яросл., ворон. и др. *поскрéбыш* 'последний ребенок в семье', влад., калуж., сарат. и др. *поскрéбышек* 'остатки, оскребки (теста, муки и т. п.)' и перм., урал., курск. 'последний ребенок в семье' (Словарь русских народных говоров, 1965–2019 (30: 172)) ~ *скребти*, *скрести*. Несколько других примеров фразеологизмов персидского языка, идеологически близких к русским, см. (Голева, 2006: 68, 124): параллели к рус. *на чужом горбу ездить* (в перс. букв. = *возить груз на чьей-л. спине*) и *как сыр в масле катается* (в перс. букв. = *его хлеб плавает в масле*).

**Некоторые выводы.** Результаты разбора типологически общих случаев развития лексической семантики в иранском и славянском укладываются в рамки знаменитого и весьма точного определения В. И. Абаевым понятия «язык» как исторического опыта народа, за-

фиксированного в словах-понятиях и грамматических категориях. Глубина этого толкования постигается как раз при сравнении исторического опыта двух языковых культур, когда на поверхность выходит общее в этом опыте и показывает типичность в развитии языкового мышления, общие свойства носителей разных языков в восприятии и оценке окружающего мира. К таковым общим чертам можно отнести элементы организации семантики языка ритуала: 1) обыгрывание ситуации нахождения ребёнка на дороге как способ обмануть смерть, преследующую новорождённых в семье; 2) надделение символической значимостью завязки, узла, понимаемых как договор, обет, клятва, связывающих субъекты правовой ситуации; 3) связь руки с понятием помощи (видимо, сначала также в ритуальном смысле). Далее: отметим также отложившееся в семантике стремление понять и описать объекты окружающего мира через сравнение их с частями человеческого тела (антропоцентричность в познании); сохраняемые семантикой следы архаичного воззрения на связь членов рода через кровь (откуда *семья* → *род* = 'люди одной крови/одного семени'); переход *verba facere* → *verba dicere*; переносное употребление глаголов с исконной семантикой *шатать*, *качать* как *ходить*, *гулять*; реализацию семантической потенции обозначать ненужное через каритивный префикс и корень со значением *'дело'*; *изменение 'мест'* → *'похищать'* и *'мест'* → *'прогонять'* и *пр.*

## ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; Наука, 1958–1989. Т. I–IV.
- Абаев В. И. Сложные слова — хранители древней лексики. *Вопросы языкознания*. 1983. № 4. С. 75–85.
- Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (Романские языки). Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 301 с.
- Восканян Г. А. Русско-персидский словарь. Москва: Русский язык, 1986. 832 с.
- Голева Г. С. Фразеология современного персидского языка. Москва: Муравей, 2006. 224 с.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Русский язык, 1976. 1096 с.
- Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули. Москва: Изд-во восточной литературы, 1960. 84 с.
- Етимологічний словник української мови: в 7 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ: Наук. думка, 1982–2012. Т. 1–6.

- Журавлёв А. Ф. Эволюции смыслов. Москва : ЯСК, 2016. 472 с.
- Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. Москва : Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
- Илиади А. И. К сравнительно-исторической семасиологии иранских и славянских языков. I. *Функциональная лингвистика*. 2013. № 5. С. 143–145.
- Иоаннесян Ю. А. Гератский диалект языка дари современного Афганистана. Москва : Восточная литература, 1999. 239 с.
- Коротка І. М. Семантична організація лексичних гнізд зі значенням 'рости', 'збільшуватися' у германських, слов'янських та балтійських мовах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15. Кіровоград, 2018. 233 с.
- Левицкий В. В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков. Черновцы : Рута, 1997. 277 с.
- Меркулова О. А. Сравнительно-историческое исследование регулярных семантических переходов в германских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Москва, 2009. 23 с.
- Мікіна О. Г. Историко-семасиологічне дослідження латинських і романських дієслів мовлення на індоєвропейському фоні. Донецьк : Юго-Восток, 2012. 450 с.
- Молчанова Е. К. Йезди (зороастрийский дари). *Основы иранского языкознания : среднеиранские и новоиранские языки*. Москва : Восточная литература РАН, 2008. С. 235–343.
- Очерки по сравнительной семасиологии германских, балтийских и славянских языков / А. П. Непокупный, Н. Н. Быховец, В. А. Пономаренко и др. ; [отв. ред. А. П. Непокупный]. Київ : Довіра, 2005. 367 с.
- Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. Москва : Наука, 1964. 187 с.
- Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык. Москва : Наука, 1966. 164 с.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Москва : Восточная литература, 2000. Т. 1–5.
- Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Москва ; Ленинград : Санкт-Петербург : Наука, 1965–2019. Вып. 1–51.
- Соколова В. С. Рушанские и хуфские тексты и словарь / отв. ред. И. И. Зарубин. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. 336 с.
- Толстая С. Из полесской обрядовой лексики: нашлось дитя. *Український діалектологічний збірник*. Київ : Довіра, 1997. Кн. 3. С. 287–292.
- Федорова А. О. Становлення правової термінологічної семантики в індоєвропейських мовах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15. Кропивницький, 2018. 295 с.
- Хромов А. Л. Ягнобский язык. Москва : Наука, 1972.
- Эдельман Д. И. Еще раз о фонемном составе общеиранского праязыка (фонологический статус \*I). *Вопросы языкознания*. 2013. № 5. С. 58–88.
- Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. Москва : Наука, 1974–2018. Вып. 1–41.
- Ягнобско-русский словарь / сост. М. С. Андреевым, В. А. Лившицем, А. К. Писарчик. *Ягнобские тексты*. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. С. 217–391.

## ТИПОЛОГІЯ У СЕМАНТИЦІ: ІРАНО-СЛОВ'ЯНСЬКІ СЕМАСІОЛОГІЧНІ ЗУСТРІЧІ

**Олександр Іліаді**

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри методик дошкільної та початкової освіти Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка, Кропивницький, Україна  
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com  
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

### АНОТАЦІЯ

Статтю присвячено актуальній проблемі загальної семасіології — дослідженню феномена регулярності семантичного розвитку в лексиці мов двох груп індоєвропейської генетичної сім'ї. Підхід до аналізу семантики з позицій охоплення кількох лексико-семантичних систем дає досліднику повнішу картину поширення мовних явищ і міцний ґрунт для узагальнень. Особливо цікаві спостереження за лексикою мов, носії яких представляють різні культури, в тому числі культури й традиції спілкування. Типологічні аналогії в семантиці комунікації етносів із різною культурою вказують або на типологію мовного мислення, або на реалізацію спільних семантичних закономірностей, що почали діяти ще за часів прамови, або на мовні контакти різного часу.

За об'єкт спостережень взято лексику іранських і слов'янських мов, чий вокабулярій ще порівняно мало розроблений на предмет порівняльно-семасіологічного опису й виділення типологічно спільних рис у кореляції базового та похідного значень. Попередні спостереження дають підстави виділити такі семасіологічні паралелі: 1) обігрування ситуації знахідки дитини на дорозі як спосіб обдурити смерть, що переслідує вояководжених у сім'ї; 2) наділення символічною значимістю зав'язки, вузла, що розуміються як договір, обітниця, клятва і пов'язують суб'єктів правової ситуації; 3) зв'язок руки з поняттям допомоги (імовірно, також і в ритуальному смислі). Решта семасіологічних зустрічей: відображене в семантиці прагнення осмислити й описати об'єкти довкілля шляхом порівняння їх із частинами людського тіла; збереження семантикою слідів архаїчного погляду на зв'язок членів роду через кров (сім'я → рід = 'люди однієї крові'); перехід *verba facere* → *verba dicere*; переносне вживання дієслів із питомою семантикою 'хитати, хилитати' як 'ходити', 'гуляти'; реалізацію семантичної потенції позначати непотрібне через каритивний префікс і корінь зі значенням 'діло'; зміна 'мести' → 'викрадати' та 'мести' → 'проганяти' тощо.

**Ключові слова:** семантика, етимологія, типологія, похідне, дієслово.

## TYPOLOGY IN SEMANTICS: IRANIAN-SLAVIC SEMASIOLOGICAL PARALLELS

*Alexander Iliadi*

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Methods of Preschool and Primary Education at Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University, Kropyvnytskyi, Ukraine  
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com  
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

### SUMMARY

The article deals with a topical problem of general semasiology, namely the investigation of phenomenon of semantical development regularity in the vocabulary of two groups into Indo-European genetic family of languages. The approach with regard to analysis of semantics with taking into account of coverage of several lexical-and-semantic systems enables a researcher to imagine a fuller picture about extension of lingual phenomena and gives the solid ground for synthesis. Especially interesting is observing the vocabulary of languages, whose speakers are bearers of different cultures, including cultures and traditions of communication. Typological analogies in semantics of communication of ethnic groups, which have different cultures, indicate either typology of language thinking or implementation of common patterns, which have been formed in the epoch of the Proto-Indo-European language, either language contacts in different times.

Lexicon of Iranian and Slavic languages is used as the object of observing because it hasn't been widely devised in the aspect of its comparative semasiological description and highlighting of typologically common peculiarities in correlation of basic and derivative meanings. Preliminary observing entitles the author to highlight the semasiological parallels: 1) role-play situation when a child should be found on the road as a way to trick death, which hunting down all newborns in the family; 2) conferring of symbolic importance to a knot, tying, which can be taken as an agreement, an oath, a vow for consolidating all subjects of legal relationship; 3) very close link of hand with the idea of help (perhaps, also in ritual sense). Other semasiological parallels: human desire to reflect in lexical semantics the objects of environment by the way of comparison these with body parts; traces of an archaic view on relations between family members through blood, saved in semantics; change *verba facere* → *verba dicere*; figurative usage of the verbs with etymological meaning 'sway, rock' as 'go', 'walk, stroll'; implementation of semantical potential to denote something useless through caritive prefix and root with meaning 'case, thing'; change 'sweep, broom' → 'steal' and 'sweep, broom' → 'chase away' and other.

**Key words:** semantics, etymology, typology, derivative, verb.

### REFERENCES

- Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]*. (Vols. 1-IV). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR; Nauka [in Russian].
- Abaev, V. I. (1983). Slozhnye slova — khraniteli drevney leksiki [Composite Words as Keepers of the Ancient Lexis]. *Voprosy yazykoznanii — Linguistics Issues*, 4, 75–85 [in Russian].
- Budagov, R. A. (1963). *Sravnitelno-semasiologicheskie issledovaniia [Comparative Semasiological Researches]*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta [in Russian].
- Voskanian, G. A. (1986). *Russko-persidskiy slovar [Russian-Persian Dictionary]*. Moscow: Russkii yazyk [in Russian].
- Goleva, G. S. (2006). *Frazeologia sovremennogo persidskogo yazyka [Phraseology of the Modern Persian Language]*. Moscow: Muravei [in Russian].
- Dvoretiskii, I. Kh. (1976). *Latinsko-russkii slovar [Latin-Russian Dictionary]*. Moscow: Russkii yazyk [in Russian].
- Dorofeeva, L. N. (1960). *Yazyk farsi-kabuli [Farsi-Kabuli Language]*. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury [in Russian].
- Melnychuk, O. S. (Ed.). (1982–2012). *Etymolohichnyi slovnyk ukrainskoi movy [Ukrainian Etymological Dictionary]*. (Vols. 1–6). Kyiv: Naukova dumka [in Ukrainian].
- Zhuravlev, A. F. (2016). *Evolutsii smyslov [Senses Evolutions]*. Moscow: ASK [in Russian].
- Zalizniak, A. A. (2013). *Russkaia semantika v tipologicheskoi perspective [Russian Semantics in the Typological Perspective]*. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury [in Russian].
- Iliadi, A. I. (2013). K sravnitelno-istoricheskoi semasiologii iranskikh i slavianskikh yazykov [On the Comparative Historical Semasiology of the Iranian and Slavic Languages]. *Funktsionalnaia Lingvistika — Functional linguistics*, 5, 143–145 [in Russian].
- Ioannesian, Yu. A. (1999). *Geratskii dialekt yazyka dari sovremennogo Afganistana [Herat Dialect of Dari Language in Modern Afghanistan]*. Moscow: Vostochnaia literature [in Russian].
- Korotka, I. M. (2018). Semantychna orhanizatsiia leksychnykh hnizd zi znachenniam 'rosty', 'zbilshuvatysia' u hermanskykh, slovianskykh ta baltiiskykh movakh [The Semantic Organization of Lexical Nests with the Meaning of «grow», «increase» in Germanic, Slavic and Baltic Languages]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Kirovohrad [in Ukrainian].
- Levitskii, V. V. (1997). *Etimologicheskie i semasiologicheskie issledovaniia v oblasti german-skikh yazykov [Etymological and Semasiological Researches in the Field of the Germanic Languages]*. Chernovtsy: Ruta [in Russian].
- Merkulova, O. A. (2009). Sravnitelno-istoricheskoe issledovanie reguliarnykh semanticheskikh perekhodov v germanskykh yazykakh [Comparative Historical Study of the Semantic Shifts in the Germanic Languages]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- Mikina, O. H. (2012). *Istorko-semasiolohichne doslidzhennia latynskykh i romanskykh diiesliv movlennia na indoevropeiskomu foni [Historical and Semasiological Researches of the Latin and Romanic Verbs of Speech on the Indo-European Background]*. Donetsk: Yugo-Vostok [in Ukrainian].
- Molchanova, E. K. (2008). Yezdi (zoroastriiskii dari) [Yazdi (Zoroastrian Dari)]. *Osnovy iranskogo yazykoznanii: sredneiranskie i novoiranskie yazyki — Fundamentals of Iranian Linguistics: Central Iranian and New Iranian Languages*. Moscow: Vostochnaia literature RAN. pp. 235–343.

Nepokupnyi, A. P., Bykhovets, N. N., & Ponomarenko, V. A. et al. (2005). *Ocherki po sravnitelnoi semasiologii germanskikh, baltiiskikh i slavianskikh yazykov* [Essays on Comparative Semasiology of Germanic, Baltic and Slavic Languages]. Kyiv: Dovira [in Russian].

Rastorgueva, V. S. (1964). *Opyt sravnitel'nogo izucheniya tadjhiskikh govorov* [The Experience of the Comparative Study of the Tajik Tongues]. Moscow: Nauka [in Russian].

Rastorgueva, V. S. (1966). *Srednepersidskii yazyk* [Middle Persian Language]. Moscow: Nauka [in Russian].

Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (2000–2015). *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. (Vols. 1–V). Moscow: Vostochnaia literature [in Russian].

Filin, F. P., & Sorokoletov F. P. (Ed.). (1965–2019). *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Tongues]. (Issues 1–51). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka [in Russian].

Sokolova, V. S. (1959). *Rushanskie i khufskie teksty i slovar* [Rushani and Khuf Texts and Vocabulary]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR [in Russian].

Tolstaia, S. (1997). Iz polesskoi obriadovoi leksiki: nashlos ditia [From the Polesie Ritual Vocabulary: There was a Child]. *Ukrainskyi dialektolohichnyi zbirnyk — Ukrainian Dialectological Collection, Book 3*, 287–292 [in Russian].

Fedorova, A. O. (2018). Stanovlennia pravovoi terminolohichnoi semantky v indoevropeiskykh movakh [Formation of the Legal Terminological Semantics in the Indo-European Languages]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Kirovohrad [in Ukrainian].

Khromov, A. L. (1972). *Yagnobskii yazyk* [Yaghnobi Language]. Moscow: Nauka [in Russian].

Edelman, D. I. (2013). Eshche raz o fonemnom sostave obshcheiranskogo prayazyka (fonologicheskii status) [More on the Phonemic Composition of the Common Iranian Protolanguage]. *Voprosy yazykoznania — Linguistics Issues*, 5, 58–88 [in Russian].

Trubachev, O. N., & Zhuravlev, A. F. (Ed.). (1974–2018). *Etimologicheskii slovar slavianskikh yazykov: Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund]. (Issues 1–41). Moscow: Nauka [in Russian].

Andreev, M. S., Livshits, V. A., & Pisarchik, A. K. (Ed.). (1957). *Yagnobsko-russkii slovar* [Yaghnobi-Russian Dictionary]. (pp. 217–391). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 18.06.2019

УДК 81'42:808.5:316.642.3

<https://doi.org/10.24195/2616-5317-2019-29-11>

## ПЕРЦЕПТИВНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСОДІЇ МОДАЛЬНОСТІ ПЕРЕКОНАННЯ В СУДОВОМУ ДИСКУРСІ

*Тетяна Корольова*

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри перекладу і теоретичної та прикладної лінгвістики Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського», Одеса, Україна  
e-mail: kortami863@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3441-196X>

*Владислава Аккурт*

кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри перекладу і теоретичної та прикладної лінгвістики Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського», Одеса, Україна  
e-mail: ladyboss2105@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3542-3428>

### АНОТАЦІЯ

Наукові розвідки вітчизняних науковців відображають глибоке осмислення проблеми мовної модальності, але дослідження просодичних особливостей віддзеркалення модальних конотацій в судовому дискурсі, на жаль, досі не знайшли відповідного відображення в науковій літературі.

Метою експериментального дослідження є комплексний аналіз функціонально-семантичного та прагматичного аспектів організації модальної семантики переконання в мовленні прокурора на матеріалі двох не-близько споріднених мов (англійської та української).

Результати дослідження надали можливість зробити висновок, що переконлива мова прокурора під час судового засідання залежить від екстралінгвістичних факторів (ситуації судового засідання, соціально-статусних відношень), структурно-семантичних і прагматичних особливостей судової мови взагалі та індивідуальних характеристик промови обвинувача зокрема. Просодія переконання в мові прокурора є найважливішим засобом, що проявляється в реалізації стереотипних правил